

Olena Wojcewa
(*Odessa, Ukraina*)

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОНЦЕПТА ‘МОРЕ’ В ЛИРИКЕ ИВАНА РЯДЧЕНКО

В конце XX века язык как сущность предстает в центре исследовательских интересов языковедов. С позиций антропологической парадигмы и сам язык, и взаимодействующая с ним культурная среда анализируются в тесной связи с существованием личности – «с самопознанием и осознанием мира не только как физически воспринимаемого, но и как созданной человеком духовной реальности»¹. Антропоцентрическая парадигма порождает лингвокультурологию – филологическую дисциплину, изучающую определенным образом отобранную и организованную совокупность культурных ценностей, исследующую живые коммуникативные процессы порождения и восприятия речи, опыт языковой личности и национальный менталитет, дающую системное описание картины мира².

Начальные сведения о картине мира, существующей в сознании носителей языка, по мнению Рышарда Токарского, могут дать ответы на такие вопросы: 1) Каким образом язык отображает свойства отдельных предметов и явлений? 2) Какие языковые модели, с помощью которых упорядочивается окружающий мир, приняты в данной культуре, как они воплощаются в системе ее ценностей? «В сущности ответ на второй вопрос возможен при условии исследования языковых данных, так как он касается не самого языка, а прежде всего человека»³.

Проблемы объективации сведений о картине мира решаются лингвистами в процессе изучения концепта как средства и способа языковой концептуализации мира, как знака языка и культуры (исследования Николая Алефиренко, Сергея Аскольдова-Алексеева, Ежи Бартминского, Анны Вежбицкой, Сергея Воркачева, Владимира Карасика, Елены Кубряковой, Зинаиды Поповой, Вероники Телии, Юрия Степанова, Йосифа Стернина и др.).

---

¹ В. Н. Телия, *О феномене воспроизведения языковых выражений*, [в:] *Язык, языковое сознание, коммуникация: сб. статей*, Москва 2005, Вып. 30, С. 9.

² С. Г. Тер-Минасова, *Язык и межкультурная коммуникация : учебное пособие*, Москва 2000, С. 18.

³ R. Tokarski, *Słownictwo jako interpretacja świata*, [w:] *Współczesny język polski*, Lublin 2010, S. 344.

Однако по-прежнему остается немало нерешенных вопросов, касающихся лингвоконцептуального анализа художественного текста. Например, отсутствуют работы, посвященные особенностям лексической объективации концепта 'море' в произведениях известного одесского поэта Ивана Рядченко.

Отметим, что под термином *концепт* в современной когнитологии понимается «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике»⁴. Содержание концепта как мыслительной единицы можно отчасти смоделировать путем изучения языковых единиц, номинирующих его. Такое моделирование является, по мнению И. А. Стернина, «лингвокогнитивным описанием концепта, то есть описанием когнитивного феномена лингвистическими средствами»⁵. При этом следует учитывать, что концепт содержит и неактуализованные языковыми средствами признаки, которые можно выявить лишь в процессе психолингвистических исследований. В любом случае «лингвист описывает только языковое сознание человека – часть его когнитивного (общего) сознания, нашедшую объективацию в языке»⁶.

В структуру концепта входит лексема с ее понятийным ядром и семантическим объемом. Однако автор художественного текста, используя когнитивный стереотип, моделирует новые смыслы с помощью актуализации одних сем и нейтрализации других.

Целью нашего исследования является анализ специфики языковых моделей, концентрирующих результаты авторского освоения фрагмента окружающей действительности, с помощью которых в поэтическом дискурсе Ивана Рядченко объективируется концепт 'море'.

Литературное наследие одесского поэта Ивана Ивановича Рядченко (1924–1997) составляет более 50 книг, среди которых известными стали сборники поэзий «Штормовые будни» (1951), «Навстречу штормам» (1956), «Улицы впадают в океан» (1963), «Лирика странствий» (1964), «Сладкая соль» (1967), «После урагана» (1969), «Отзвуки океана» (1969), «Ветер в парусах» (1974) и другие, посвященные теме моря.

Одесса и море в творчестве Ивана Рядченко занимают ведущее место, что неоднократно подчеркивается литературоведами, поэтами, журналистами: «Одесса – порт приписки его поэтической яхты, всегда готовой поднять паруса, сняться с якоря и вновь тронуться в океан ...», –

---

⁴ Е.С. Кубрякова, *Краткий словарь когнитивных терминов*, под общ. ред. Е.С. Кубряковой, Москва 1997, С. 90.

⁵ И. А. Стернин, *О лингвокогнитивном подходе к языку (вступительное слово к дискуссии)*, «Вестник ВГУ», Серия Философия, 2009, № 1, С. 201.

⁶ Там же, С. 203.

пишет Михаил Дудин⁷; «Дюма говорил, что история – это гвоздь, на который он вешает свои романы. Для Ивана Рядченко таким «гвоздем» стало море. Избороздив немало морей, океанов, побывав во многих гаванях планеты, он обогатил свое творчество новыми красками, сюжетами» (А. Лясковский)⁸.

Поэтому закономерно, что концепт 'море', понятийная составляющая которого формируется двумя рядами признаков, основанных на объектных и субъектных отношениях, занимает центральное место в лирике Рядченко.

Рассмотрим объектные пространственные характеристики моря, репрезентованные в поэтических текстах Ивана Рядченко.

Море – это *водное пространство*, «часть Мирового океана, обособленная сушей или возвышениями подводного рельефа и отличающаяся от открытой части океана гидрологическим и метеорологическим режимом»⁹. Эта часть оболочки земли противопоставляется суше:

«Плывем мы под чужими берегами, проносим синий ветер на крыле. Но все равно мы первыми шагами обязаны незыблемой земле» («Стапеля»). Морское пространство имеет свою специфику, так как это огромное углубление в земной поверхности, заполненное горько-соленой водой: «Море, море, ответь, не пойму до конца – как в тебе, охватившем такое пространство, постоянно живут, словно два близнеца, обновления бег и закон постоянства?» («Начинается в мае купальный сезон»).

Лексема море приобрела в русском языке переносное значение «Об огромном количестве чего-л.»¹⁰. *Море* представляется поэту как *безграничное вселенское пространство*: «Тишина. Лишь небо в споре с синим космосом воды» («Наши пенные следы»).

В поэзии Рядченко неоднократно акцентируется тот факт, что море *изменчиво*, в нем постоянно перемещаются водные массы: «Бушует вода, как разгневанный бог» («Вода»); «Нас кренит направо, нас кренит налево» («Созвездие Девы»); «Когда волна вздымает злая нас, швыряет вниз громадой всей, о как нужна непотопляемость в железной памяти друзей!» («Когда уходят корабли»); «волны мчатся, пеною горя» («Памятник Хемингуэю в рыбацкой деревушке на Кубе»); «Не остановишь ты мое движение, раскачивая гребнями зарю» («Атлантика»).

⁷ И. И. Рядченко, *Избранные произведения: В 2-х томах*, [в:] Т. 1., с предисл. М. Дудина, Киев 1984, С. 5.

⁸ А. Лясковский, *К 80-летию со дня рождения Ивана Рядченко: поэт, воин, моряк*, «Одесские известия», 21.01.2004.

⁹ Н. А. Каланов. Словарь морского жаргона, Москва 2002, С. 243.

¹⁰ Там же.

Море выступает границей между «своим» и «чужим» локусом, это дорога к неведомой земле:

«Нас такая даль сосватала, что из дальней стороны привезен загар экватора да немного седины» («Шутливая песенка»); «Чьи-то жены остаются, корабли уходят в море. Им качаться в штормах лютых, проплывать чужие дали» («Капитан причалил к дому»); «– Нет, милые волны! – Я им отвечаю. – Мне ветры тут горьки, как теплое виски. Здесь песни не наши, свои тут печали – и рыжие чайки кричат по-английски!» («Южные широты»).

Морская вода соленая на вкус, что отображает современное состояние этой части водной поверхности Земли: «Пылит возле борта соленая влага» («Южные широты»); «но соль даже крепкие краски разесть, название порта сотрется» («Порт приписки»). Отметим, что в фольклорных текстах лексема *море* обозначает «большое озеро», «водоем», «источник воды, куда приходят умыться, набрать воды», в море обитают пресноводные рыбы¹¹; ср. этимологические данные, которые свидетельствуют, что лексема *море* произошла из пр. **morje* «водное пространство; море»; ие. **mor-* / **mar-* „море, болото; озеро; большая река”; **mōri* «море, болото»¹².

В море обитают чайки: «Тишина. Лишь чайка редко за кормой махнет крылом» («Наши пенные следы»). Иван Рядченко подчеркивает символическое значение этих птиц, ведь согласно морскому поверью, чайки – хранители душ людей, погибших при кораблекрушениях, символ души моряка¹³:

«Гучка в небе, как разведчица, Тишина да синь без края. Только чайки стонут, мечутся, тишине не доверяя. Душно травы пахнут прелые, Море лижет руки суше. Говорят, что чайки белые – моряков погибших души» («Чайки»).

В структуре концепта ‘море’ выражены также субъектные отношения. Рядченко продолжил традицию изображения красивой и неукротимой свободной морской стихии в русской поэзии (Василий Жуковский, Александр Пушкин, Федор Тютчев и др.). Собранный нами материал

¹¹ О. Н. Ракитина, *Концепт МОРЕ в русском фольклоре*, [в:] Методологические проблемы когнитивной лингвистики, Воронеж 2001, С. 120.

¹² A. Brückner, *Słownik etymologiczny języka polskiego*, wyd. I., Kraków; reprint, wyd. IX. – Warszawa 2000, S. 344; *Етимологічний словник української мови: в 7 т.* [в:] Т. 3., редкол. : О. С. Мельничук (голов. ред.) [та ін.]; АН УРСР. Ін-т мовознавства імені О. О. Потебні, Київ 1982–2006, С. 513.

¹³ Н. А. Каланов. *Словарь морского жаргона*, Москва 2002, С. 399.

свидетельствует, что понятийный аспект концепта 'море' приобретает в поэзии одесского поэта индивидуально-авторское осмысление.

В стихотворениях Ивана Рядченко *море может быть спокойным* (тихим, ласковым) и *бурным* (непредсказуемым, ненадежным):

«Взволновано не легоньким пассатом, а злым норд-остом, смыслу вопреки, вчера ты, море, тигром полосатым на нас кидалось, скалило клыки. Вчера взъярилось, глупое, спросонок. Но вышла ночь и умирала дрожь. Сегодня ты, как голубой котенок, мурлыча, о причалы спину трешь...» («Взволновано не легоньким пассатом»); «Наверно, джина или бренди хлебнул залив на рождество: вразнос пошел святой Лаврентий и вся нелегкая его! Ну и характер у святого! Сметает гребни с пенных гор, швыряет в пропасть нас и снова подносит к космосу в упор» («Залив святой Лаврентий»).

Морская стихия представляет опасность для человека; дно моря – это смерть (в архетипных представлениях дно «глубокое ущелье»)¹⁴:

«В море нет обелисков. Только темное дно. Только вечного риска это море полно» («В море нет обелисков»); «Пусть вода, как вечность непочата и недолго повстречать беду» («Заскучал»); «Ревущие сороковые вы злощие и роковые, судам ломаете хребет («Ревущие сороковые»).

Море – это волшебное пространство, в котором обитают *мифические существа* – *русалки*, *Нептун* (бог морей), *дядька Черномор* (персонаж поэм Александра Пушкина «Руслан и Людмила», «Сказка о царе Салтане»):

«Здесь начинаешь верить в чудеса: сейчас из пены явится русалка, блеснет жемчужно мокрая коса. (...) А, может быть, походкою упругой, из глубины тенистой на простор, волну взмутив чешуйчатой кольчугой, шагнет с дружиной дядька Черномор?» («Прибой»); «Как часто я, надеясь на фортуна, вверял себя волнам и кораблю и вместе с судном кланялся Нептуну, хоть кланяться начальству не люблю» («Поклоны»).

Так как моряки пребывают в состоянии вечной борьбы с бушующей стихией («Встает каюта на дыбы, и горизонт в опасном крене... Но нет прекраснее судьбы – не пасть в сраженьи на колени» («Суровый тост»)), для поэта *море предстает символом мужества (море не любит слабых), преодоления разлуки с близкими, с родным домом*:

¹⁴ В. Н. Топоров, *Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического*, Москва, Изд. группа «Прогресс»–«Культура», 1995. – С. 589.

«Опять бессонно чайки кружатся в соленой штормовой пыли. И всем нам очень нужно мужество, когда уходят корабли» («Когда уходят корабли»); «Но океан! Ты был в моей судьбе поводырем, учителем в борьбе. И расставаясь с гаванью земною, я приходил за смелостью к тебе – и ты делился мужеством со мною» («Разбитый иллюминатор»); «Ох, море, море, вечный непокой, ты для меня не краски и не звуки – немногословье верности мужской, преодоление горестной разлуки» («Вечный непокой»).

В восприятии Ивана Рядченко *морская стихия – живое существо, море и человек находятся в неразрывной связи друг с другом*: «Иль словно на каменоломне тяжелою галькой шурша, старается людям напомнить, как смутна природы душа?» («В Ливадии, в Ялте, в Мисхоре»).

Поэт находится в гармонии с морем, для него – это символ романтики, путешествий, море зовет и манит:

«За то, что я с ветрами дружен, ты мне в сияющей горсти живые тысячи жемчужин всегда готово принести» («Море»); «Но долго гремящее море взрывается где-то во мне!» («В Ливадии, в Ялте, в Мисхоре»); «Песня синих морей – это белая-белая птица, что летит за кормой день и ночь, как ручной альбатрос. И не в скалах она, а в доверчивых душах гнездиться, драит медь корабля, как пропитанный солнцем матрос» («Песня синих морей»); «Тебе, родное море, навсегда я подарил багровый парус сердца» («Вечный непокой»).

Ценностный аспект концепта ‘море’ в поэтическом дискурсе Ивана Рядченко отображает отношение человека к действительности в процессе плавания на судне. Основными полюсами ценностной составляющей являются положительная и отрицательная оценка морского пространства. Море, по которому «ходят» суда («мы ходим под тугими парусами»), представляет особую ценность для моряка:

«Мы попадаем к морю в плен, и без него нам как без соли. А море синее взамен нас учит мужеству и воле» («Суровый тост»); «Порой так нежен облик океанский, что можно докричаться до земли: – Любимые, вы здесь учитесь ласке, коль вы ее для нас не сберегли!; Нет, океан не пользуется гримом ни в черный час, ни в полдень голубой... Как научиться быть собой и в то же время быть неповторимым?» («Порой так нежен облик океанский»); «И здесь, где океан качает звезды валко, вдруг источает грудь неудержимый вздох – и пройденных путей ни капельки не жалко, и есть голубизна в романтике дорог!» («Огни святого Эльма»); «Свистящий ветер треплет снасти, ложатся росстани на курс. Ну что же, истинное счастье всегда чуть солоно на вкус» («Невестам моряков»).

В то же время негативно-оценочное отношение связано с восприятием моря как опасного места, в котором часто гибнут люди:

«могилы и моря – романтика дорог» («Огни святого Эльма»); «Тревожно все и все всерьез, когда звучит без проволочки «Спасите наши души!» – «SOS»! Три точки – три тире – три точки. Кому-то трудно там, вдали. Даны долготы и широты. И курс меняют корабли, и на воду спускают боты» («Тревожно все и все всерьез»); «В Цусимском проливе гуляет волна, туман наплывает клубами. Встают командоры с далекого дна и синими шепчут губами, – Привет вам, сыночки и внуки, привет! Мы солью глаза оросили. И морю над нами спокойствия нет, мы – горечь ушедшей России» («Цусима»); «Страшной властью океанов сняты звания живых: нет на дне ни капитанов, ни матросов рядовых. Штормы злы, моря бедовы. Дома больше не бывать, ром с друзьями не пивать...» («Наши пенные следы»).

В гендерном социокультурном векторе концепт 'море' реализует традиционное понимание моря как особого пространства, которое должны покорять мужчины: «Стонет судно мое железно. В шуме шторма одно постиг: равноправье – оно полезно, но, наверно, не в этот миг. Шумно в уши шибает пена возникающих гор, лощин. Я скажу тебе откровенно: море создано для мужчин» («Снова звезды качает небо»).

Для поэзии Рядченко характерны три типа номинации концепта 'море', которые выделяет Йосиф Стернин: *целостная* или *холистическая* (номинация предмета концептуализации именем собственным, абстрактным или родовым термином, их дериватами, метафорической перифразой, эвфемизмом, в том числе с помощью контекстуальной номинации), *признаковая* (номинация эксплицитно, вербально выраженным согласованным или несогласованным определением, сравнением, паремией, фразеологизмом, афоризмом) и *партитивная* (номинация репрезентативных, типичных, узнаваемых частей, составных элементов предмета концептуализации, актуализующих представление о концепте в целом, отсылающих к концепту)¹⁵.

В стихотворениях Рядченко целостная номинация представлена такими разновидностями, как: 1) **топонимическая** (*Черное море, Атлантика, Северный и Тихий океан, Индийский океан, Бискайя (Бискайский залив «часть Атлантического океана, расположенная к северу от Пиренейского полуострова»), Средиземное море, Карибское море*): «Выходят окна в синеву Атлантики, на Северный и Тихий океан» («Приморский бульвар»); «Средиземное голубое в ослепительных берегах» («Судовая самодеятельность»); «Он знает нрав крутой Бискайи, в Индийском плавал и готов, косые волны рассекая, на Тихом

¹⁵ И. А. Стернин, *О лингвокогнитивном подходе к языку (вступительное слово к дискуссии)*, «Вестник ВГУ», Серия Философия, 2009, № 1, С. 203–204.

промышлять китов» («Смотритель маяка»); 2) *апеллятивная* (море – вода, стихия, простор, бездна); 3) *метафорическая* (синий зверь, океанская зыбка, водяная колыбель, соленое счастье, царство осьминога).

Основными типами признаковой номинации являются: 1) *величина*: море беспредельное («Штормы, море беспредельное позабыть я не могу» («Кок»), великое, широкое; 2) *цвет*: море синее («над синими морями морзянки тонкий дождь» («Акула»); голубое, голубоватое, серое («море холодно хлопает серой волной» («Теплоход на подводных крыльях»); зеленое, бирюзовое, жемчужное, серебристое, хрустальное, изумрудное («так волна изумрудна и брызги хрустальны» («Начинается в мае купальный сезон»); 3) *вкус*: море *соленое*: «осыпать соленую влагой» («В Ливадии, в Ялте, в Мисхоре...»); 4) *звук*: «моря ропот» («Железный матрос»); «моря зов упрямый» («Здесь все девчонки чуточку морячки»); «гремящее море»; «шипучая пена»; «морской волны шипучий бас»; «однотонный бег волны»; «воют штормы без конца где-то на планете» («Морячка»); «рокошет моря вселенский накат» («Первая любовь»); 5) *характер движения*: море зыбучее, вздыбленное; «море в суши прогрызло бреши» («Купают матери детей»); «гребни крутят сальто» («Воспоминания о Григорьевском десанте»); «прибой свивает гребни в кольца» («Опять моря, приливы и отливы»); б) *форма*: у моря «острые гребни». При этом превалирует оценочная признаковая номинация.

Партитивная номинация репрезентована актуализацией таких составных элементов морского пространства, как: 1) *волны*: «на желтый берег падает волна и уползает вдаль неторопливо» («Вечный непокой»); «Волна о камни мола бьется» («Смотритель маяка»); «прибойных волн бежала вереница» («Поклон»); «волны о форштевень бьются» («Железный матрос»); «гребней резвый танец»; 2) *прибой*: «вихрастый прибой»; «белопенные горбы»; «Уже голубоватый и весенний, как прежде бесшабашный и рябой, рождая очаги землетрясений, о стенку мола ухаает прибой» («Прибой»); «Шумел прибой во мгле весенней» («Эстонский одеклон «Старый Томас»); 3) *брызги воды*: «соленая голубая пыль»; «в брызгах радуги горят»; «брызги вздымаются в шумном раскате» («Ночная качка»); «штормовая живая вода» («Спасательный круг»).

Таким образом, концепт 'море', функционирующий в пространстве поэтического дискурса Ивана Рядченко является идеотническим вариантом концепта-универсалии мировой культуры. В целом для идиостиля одесского поэта характерна антропоморфизация моря как предмета концептуализации с целью создания романтической образности и соответствующей ей культурной среды («В Ливадии, в Ялте, в Мисхоре опять, захмелевшее вдрызг, взрывается Черное море крахмальной россыпью брызг. Покрывши себя гребешками, оно, не влюбив тишины, швыряет на острые камни зеленое тело волны» («В Ливадии, в Ялте,

в Мисхоре»); «море лижет руки суши» («Чайки»); «то просто море лижет цепь, которой его к граниту город приковал! («Непогода»).

Специфика вербализации рассмотренного культурного концепта-универсалии состоит в том, что индивидуальные характеристики данного предметно-чувственного феномена, обусловленные жизненным опытом Ивана Рядченко, значительно объемнее универсальных, общих для всех носителей языка.

Дальнейшее исследование концепта 'море' в текстах художественной литературы позволит углубить и расширить представления о его когнитивных признаках, нашедших объективацию в языке.

Библиография

- Tokarski R., *Stownikstwo jako interpretacja świata*, [w:] *Współczesny język polski*, Lublin 2010, S. 344.
- Каланов Н. А., *Словарь морского жаргона*, Москва 2002, С. 243
- Кубрякова Е. С., *Краткий словарь когнитивных терминов*, под общ. ред. Е. С. Кубряковой, Москва 1997, С. 90.
- Лясковский А., *К 80-летию со дня рождения Ивана Рядченко: поэт, воин, моряк*, «Одесские известия», 21.01.2004.
- Рядченко И. И., *Избранные произведения: В 2-х томах*, [в:] Т. 1., с предисл. М. Дудина, Киев 1984, С. 5.
- Стернин И. А., *О лингвокогнитивном подходе к языку (вступительное слово к дискуссии)*, «Вестник ВГУ», Серия Философия, 2009, № 1, С. 203–204.
- Стернин И. А., *О лингвокогнитивном подходе к языку (вступительное слово к дискуссии)*, «Вестник ВГУ», Серия Философия, 2009, № 1, С. 201.
- Телия В. Н., *О феномене воспроизведения языковых выражений*, [в:] *Язык, языковое сознание, коммуникация: сб. статей*, Москва 2005, Вып. 30, С. 9.
- Тер-Минасова С. Г., *Язык и межкультурная коммуникация: учебное пособие*, Москва 2000, С. 18.
- Топоров В. Н., *Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического*, Москва, Изд. группа «Прогресс»–«Культура», 1995. – С. 589.

Olena Wojcewa

LEKSYKALNA KONCEPTUALIZACJA KONCEPTU „MORZE” W LIRYCE IWANA RIADCZENKI

Abstrakt

Artykuł jest poświęcony badaniu pola nominatywnego konceptu 'morze' z punktu widzenia konceptologii lingwistycznej w artystycznym obrazie świata Iwana Radczenki (1924–1997). Interpretacja tego fenomenu, będącego kluczowym dla twórczości odeskiego poety, jest prowadzona przy pomocy metodyki analizy lingwokognitywnej (Josif Sternin, Zinaida Popowa). Ustalono, że oznaki kognitywne konceptu 'morze' aktualizują się w sferze konceptualnej Iwana Radczenki w takich głównych typach nazewnictwa, jak jednolite (morze, ocean, Atlantyk,

Morze Czarne, Ocean Arktyczny, Ocean Spokojny, Ocean Indyjski, Zatoka Biskajska, Morze Śródziemne, Morze Karaibskie, woda, wał, błękit, żywiol, obszar, odmęt, niebieski zwierz, kołębka oceaniczna, królestwo ośmiornic), oznakowe (za barwą: niebieskie morze, morze błękitne, szare, szmaragdowe, zielone, turkusowe, kryształiczne, z pereł; za rozmiarem, wielkością: morze bezgraniczne, duże, wąskie, szerokie; za smakiem: morze słone; za dźwiękiem: morze jednobrzmiące; za charakterem ruchów: morze chwiejne), partytywne (głuche fale, słona (błękitna) kurz, sycząca piana, białopiane garby, czubaty przybój, w bryzgach tęcze płoną).

Dla indywidualnego, autorskiego stylu poety Iwana Radczenki charakterystyczna jest świadoma antropomorfizacja przedmiotu koceptualizacji jako środek kształtowania romantycznej obrazowości tekstu, stworzenia personifikowanego środowiska kulturalnego (morze to błękitna kotka, wczoraj rzucało się tygrysem, morze to niebieski zwierz, który ssie srebro mleka księżycy, morze liże łańcuch, zielona dłoń oceanu, przybój kuje podkowę, fala od rozbiegu jest pijana, fale w wykrochmalonych bluzach, fale machają białymi chustami).

Koncept 'morze' w artystycznym obrazie świata Iwana Radczenki jest kognitywną formacją, która odzwierciedla kategorię uogólnionej wiedzy i indywidualną interpretację przedmiotu, mieści oznaki racjonalne, encyklopedyczne, zarówno przenośne, jak i metaforyczne, które pozwalają czytelnikowi inaczej spojrzeć na naturalny zbiornik wody, jakim jest morze.

Kluczowe słowa: paradygmat antropologiczny, obraz świata, językowa koceptualizacja świata, koncept.

Ключевые слова: антропологическая парадигма, картина мира, языковая концептуализация мира, концепт.

ВОЙЦЕВА ОЛЕНА АНДРІЇВНА, доктор філологічних наук, зав. кафедри загального та слов'янського мовознавства філологічного факультету Одеського національного університету імені І. І. Мечнікова. Наукові інтереси: дослідження в галузі історично-ономасіологічного термінознавства, лінгвістичної полоністики, методики викладання слов'янських мов. Найважливіші публікації:

- Podstawowe elementy językowego obrazu świata polskiego marynarza // *Literatura, kultura i język polski w kontekstach i kontaktach światowych. III Kongres Polonistyki zagranicznej*. Poznań, 8 – 11 czerwca 2006 r. / *Praca zbiorowa pod red. M. Czermińskiej, K. Meller, P. Flicińskiego*. – Poznań, 2007. – S. 923 – 929.
- Водогосподарська лексика польської мови: від давнини до сучасності. – Чернівці : Букрек, 2010. – 424 с.
- Наименования лиц по профессии в подсистеме водного хозяйства русского и польского языков // *Zeszyty naukowe Uniwersytetu Rzeszowskiego. Seria filologiczna. Glottodydaktyka 3. Część I. Problemy językoznawstwa porównawczego* / Pod red. A. Czapigi, Z. Czapigi, Rzeszów, 2011. – S. 168 – 177.
- Традиції та закономірності в розвитку водогосподарської лексики польської мови // *Мовознавство*. – 2011. – № 4. – С. 36 – 45.
- Специфіка номінації мікрокатегорії 'рух по водному середовищу' (на матеріалі оповідань польського письменника З. Батко) // *Слов'янський збірник*. – К. : Видавничий дім Дмитра Бураго, 2012. – Вип. 17. – Ч. 2. – С. 34 – 40.
- Лінгвокультурологічний потенціал назв традицій і ритуалів польських моряків (на матеріалі сучасного мас-медійного дискурсу) // *Київські полоністичні студії. Т XXII*. – Київ: Кафедра, 2013. – С. 455–460.